

Особенности структуры возрастных расходов в Российской Федерации

Изменение демографической структуры населения (старение населения) может прямо или косвенно привести к трансформации ключевых социально-экономических показателей. Это может повлиять на структуру доходов и расходов государственного бюджета, а также отразиться в некоторых секторах экономики. В зарубежной литературе значительное количество исследований посвящено изучению влияния возрастной структуры населения на экономические показатели страны. Однако, в России данная проблема малоизучена. Возрастной состав населения влияет и на особенности социально-экономической политики. Прирост населения в наиболее продуктивных возрастах приводит к увеличению дохода на душу населения, в то время как в наименее продуктивных возрастах — к снижению доходов на душу населения [18]. Наибольший рост трудоспособного населения в литературе принято определять, как первый демографический дивиденд, который был преодолен для большинства развитых стран. В настоящее время развитые страны находятся на этапе, когда наблюдается существенное увеличение нагрузки пожилыми людьми. Однако, по мнению ученых, в данных условиях эффективная политика в области управления доходами и расходами может поддерживать экономический рост страны. Данный эффект принято называть вторым демографическим дивидендом. Однако, в случае недостаточного потребления в старших возрастах может наблюдаться снижение совокупного потребления, и, как следствие, снижение выпуска. Таким образом, в России наблюдается тенденция к постарению населения и отмечается низкое потребление в старших возрастах.

Цель исследования заключается в построении возрастного профиля расходов населения, а также анализе возрастной структуры расходов населения на основе данных обследования Российского мониторинга экономического положения и здоровья (РМЭЗ), проводимого НИУ ВШЭ.

Материалы и методы. Для построения возрастных профилей расходов населения и последующего анализа возрастной структуры расходов населения были рассмотрены обследования Российского мониторинга экономического положения и здоровья (РМЭЗ), проводимого НИУ ВШЭ с 2010 по 2018 гг. Перед построением возрастных профилей расходов населения был проведен первичный статистический анализ баз данных и исключены аномальные наблюдения. Сглаживание полученных возрастных профилей происходило методом Фридмана. Важно отметить, что обследования по расходам населения собираются в расчете на домохозяйство, а не на конкретного члена семьи. Таким образом, перед построением возрастных профилей расходов населения необходимо перераспределить расходы домохозяйства на каждого члена семьи. В работе

рассматриваются особенности методов перераспределения расходов населения. При построении возрастных профилей расходов населения будут использованы рекомендации проекта «Национальные межпоколенческие трансфертные счета», разработанные Рональдом Ли и Эндрю Мейсоном. Обработка данных произведена в пакете прикладных программ «IBM SPSS» и R.

Результаты. При построении возрастных профилей расходов населения отмечается увеличение расходов в возрастных группах старше 50 лет в 2018 г. по сравнению с 2010 г. Сделаны выводы об изменении расходов на продукты питания, товары длительного пользования, услуги, коммунальные услуги, услуги здравоохранения. Доля расходов на продукты питания составляет от 38,6% до 43,7%. Наименьшая доля расходов на продукты питания наблюдается в возрастах от 0 до 9 лет (менее 40%). В остальных возрастных группах доля расходов на продукты питания не имеет существенных колебаний и составляет около 42%. Наибольшая доля расходов на товары длительного пользования приходится на возрастные группы от 0 до 19 лет (около 17%). После 20 лет наблюдается постепенное снижение доли расходов на товары длительного пользования (до 6,6% в возрастной группе 75–59 лет). По категории услуги наибольшая доля расходов приходится на возрастные группы 50–54 (составляет 18%). В возрастных группах старше 55 лет доля расходов на услуги снижается (до 10,7% в возрастной группе 75–59 лет). Расходы по категории коммунальные услуги в возрастных группах от 0 до 49 лет не изменяются, а затем наблюдается постепенный рост доли расходов. Отмечается высокая доля расходов на услуги здравоохранения в возрастных группах от 0 до 4 лет и в возрастных группах старше 60 лет. Полученные результаты являются необходимыми при построении прогнозных значений для оценки макроэкономических показателей, планировании государственного бюджета.

Заключение. В статье приводится обзор зарубежной и российской литературы, посвященный оценке влияния возрастной структуры населения на экономический рост, произведен расчет возрастного профиля расходов населения по Российской Федерации, а также рассмотрена возрастная структура расходов населения за 2010 и 2018 гг. по пятилетним возрастным интервалам. Полученные результаты позволяют сделать выводы о разной структуре расходов населения в зависимости от возрастных групп.

Ключевые слова: расходы, возрастные расходы населения России, структура возрастных расходов, уровень потребления населения.

Kirill V. Kuznetsov

Federal State Statistics Service, Moscow, Russia

Features of the Structure of Age-related Expenses in the Russian Federation

Changes in the demographic structure of the population (aging of the population) can directly or indirectly lead to the transformation of key socio-economic indicators. This may affect the structure of revenues and expenditures of the state budget, as well as be reflected in some sectors of the economy. In the foreign literature, a significant number of studies are devoted to the study of the influence of the age structure

of the population on the economic indicators of the country. However, in Russia this problem is poorly understood. The age composition of the population also affects the characteristics of socio-economic policy. Population growth in the most productive ages leads to an increase in per capita income, while in the least productive ages — to a decrease in per capita income [18]. The greatest growth in the working-age

population in the literature is usually defined as the first demographic dividend that was overcome for most developed countries. Currently, developed countries are at a stage when there is a significant increase in the burden of older people. However, according to scientists, in these conditions, an effective policy in the field of income and expenditure management can support the country's economic growth. This effect is usually called the second demographic dividend. However, in the case of insufficient consumption at older ages, a decrease in total consumption can be observed, and, as a consequence, a decrease in output. Thus, in Russia there is a tendency towards aging of the population and low consumption in older ages.

The purpose of the study is to construct an age profile of population expenditures, as well as to analyze the age structure of population expenditures based on data from the Russian Monitoring of Economic Situation and Health survey conducted by the Higher School of Economics.

Materials and methods. In order to construct age profiles of household expenditures and then analyze the age structure of household expenditures, we considered surveys of the Russian Monitoring of Economic Situation and Health, conducted by the Higher School of Economics from 2010 to 2018. Before constructing age profiles of population expenditures, a primary statistical analysis of the databases was carried out and anomalous observations were excluded. The obtained age profiles were smoothed using the Friedman method. It is important to note that population expenditure surveys are collected on a per household basis and not per family member. Thus, before constructing age profiles of household expenditures, it is necessary to reallocate household expenditures for each family member. The paper examines the features of the methods of redistribution of expenditures of the population. When constructing age profiles of population expenditures, the recommendations of the National Intergenerational Transfer Accounts project developed by Ronald Lee and Andrew Mason will be used. Data processing was performed in the IBM SPSS and R software package.

Results. When constructing age profiles of population expenditures, there is an increase in expenditures in age groups over 50 in 2018 compared to 2010. Conclusions are drawn about changes in expenditures on food, durable goods, services, utilities, and health services. The share of expenses for food products ranges from 38.6% to 43.7%. The smallest share of spending on food is observed in the ages from 0 to 9 years (less than 40%). In other age groups, the share of spending on food has no significant fluctuations and is about 42%. The largest share of spending on durable goods falls on the age groups from 0 to 19 years (about 17%). After 20 years, there is a gradual decrease in the share of spending on durable goods (to 6.6% in the age group 75-59). In terms of service category, the largest share of expenses falls on age groups 50-54 (18%). In the age groups over 55 years old, the share of expenditures on services decreases (to 10.7% in the age group 75-59 years old). The expenditures for the category of utilities in the age groups from 0 to 49 years do not change, and then there is a gradual increase in the share of expenses. There is a high proportion of spending on health services in the age groups from 0 to 4 and in the age groups over 60. The results obtained are necessary when constructing forecast values for assessing macroeconomic indicators, planning the state budget.

Conclusion. The article provides a review of foreign and Russian literature on assessing the impact of the age structure of the population on economic growth, calculates the age profile of household expenditures in the Russian Federation, and considers the age structure of household expenditures for 2010 and 2018 by five-year age intervals. The results obtained allow us to draw conclusions about the different structure of population expenditures depending on age groups.

Keywords: expenditures, age expenditures of the population of Russia, the structure of age expenditures, the level of consumption of the population.

Введение

Экономический жизненный цикл является фундаментальной характеристикой современного общества. Суть его проста: молодое и пожилое население потребляет больше, чем вкладывает в экономику, а трудоспособное население потребляет меньше, чем производит. В результате наблюдаемые финансовые потоки по возрастным группам сильно отличаются. Исследование демографических изменений и прогнозирование возрастных структур населения необходимо для определения будущего экономического развития, формирования социально-экономической политики, государственных расходов и налоговой политики. Интерес представляет изучение доходов и потребления населения не только в общих чертах, чему посвящено большое количество научных и исследовательских работ, но и рассмотрение показателей потребления в

различных возрастах на протяжении жизненного цикла. Вопросом, которым задаются исследователи по изучению данной темы, является объяснение влияния возрастных структур на экономический рост страны и другие макроэкономические показатели.

Изменение демографической структуры населения влечёт за собой трансформацию в экономической и социальной сферах. Важным показателем, определяющим расходы на социальную сферу, является общий коэффициент демографической нагрузки (КДН), характеризующий отношение нетрудоспособного населения к трудоспособному. Так, например, при увеличении КДН пожилыми людьми можно прогнозировать увеличение пенсионных расходов, а также повышенный спрос на медицинские услуги. Как следствие, государству необходимо проводить политику по повышению пенсионного возраста или проводить трансформа-

цию налоговой системы. Кроме того, необходимо адаптировать инфраструктуру для нужд пожилого населения (закупка низкопольного общественного транспорта, установка пандусов и т.д.), обратить внимание на подготовку необходимого количества медицинского персонала (например, увеличить количество бюджетных мест в медицинских университетах). При увеличении КДН за счет детей необходимо определить как данное многочисленное поколение вступит в трудоспособный возраст. Можно ожидать демографический дивиденд, и в случае полной занятости молодёжи, возможен экономический рост. Таким образом, изменения демографических структур населения обуславливают актуальность изучения проблемы перераспределения национального дохода между поколениями. В литературе [6], [7] отмечается смещение к более поздним возрастам окончания образования, а также выход на ры-

нок труда. Демографическая пирамида населения России характеризуется волнообразными изменениями. Поэтому особый интерес представляет изучение перераспределения доходов и потребления в динамике.

Изучению влияния демографических изменений на экономическое положение стран посвящен проект National Transfer Accounts, затрагивающий изучение не только возрастных особенностей населения стран, но и межпоколенческих особенностей. Интерес к изучению возрастных и межпоколенческих особенностей расходов проявляют и коммерческие структуры. Например, банковские организации на основе данных своих клиентов изучают особенности расходов.

Потребление можно считать основополагающим фактором для выживания человека. В связи с этим на государственном уровне принято определять перечень базовых товаров и услуг, необходимых для выживания. Из данного перечня товаров и норм потребления рассчитывается прожиточный минимум, который является основным социальным стандартом, устанавливаемым государством. При этом, в показателе минимального прожиточного минимума учитывается дифференциация по уровню цен между субъектами. Данный показатель рассчитывается для населения в целом и по крупным возрастным группам (дети, трудоспособное население и пенсионеры) и не позволяет учитывать поло-возрастные особенности потребления. Между тем, в настоящее время в государственных программах уделяется внимание социальной поддержке лиц определенных возрастных групп. Так, например, в Национальном проекте «Демография» отдельно выделяются проблемы содействия занятости женщин с малень-

кими детьми, финансовой поддержке семей при рождении ребенка и повышении качества жизни в старших возрастах. Качество жизни можно оценить через потребление. В литературе принято разделять потребление на частное и государственное [4]. При этом прожиточный минимум принято рассматривать как индивидуальное потребление. К государственному потреблению принято относить все товары и услуги, оплаченные за счет государства. При этом, данные расходы могут быть направлены на различные возрастные группы населения: расходы на различные этапы образования направлены на более молодые возраста, в то время как расходы на здравоохранение, как правило, направлены в большей степени на пожилых людей. Расходы на государственную безопасность и оборону следует распределять между всеми жителями равномерно. К частному потреблению принято относить расходы, которые производит человек лично. Стоит отметить, что высокое потребление государственных благ (государственное образование, здравоохранение) может сильно изменять возрастные профили. Например, при высоком финансировании здравоохранения государством население не будет иметь существенных расходов на частное здравоохранение, а при финансировании государством услуг образования в стране не будут наблюдаться в значительной степени частные расходы на услуги образования.

Кроме того, показатели потребления, как правило, рассчитываются на человека и не учитывают эффект экономии на масштабе за счет различий в количестве членов домохозяйства. Например, расходы на приобретение бытовой техники в домохозяйстве, состоящем из одного человека и из нескольких, будут одинаковыми (покупка одного холо-

дильника, одной стиральной машины и т.д.), а пользоваться данной техникой будет не один, а несколько человек. Соответственно, затраты на покупку данных товаров следует распределить на несколько человек как товары совместного пользования. Таким образом, чем больше человек в домохозяйстве, тем меньше расходы на некоторые товары потребления.

Данные проблемы рассматриваются в книге Рональда Ли и Эндрю Мейсона «Старение населения и экономика поколений: глобальная перспектива» [16]. В книге приводится теоретический и практический аспект влияния структурных особенностей населения на экономику. Авторы отмечают, что, как правило, источниками статистической информации по потреблению являются расходы домохозяйств, а не индивидов по отдельности, что может искажать возрастные профили потребления при расчете на каждого члена семьи. Наибольшей трудностью для оценки индивидуального потребления является то, что некоторые товары могут относиться к общественным благам совместного потребления и в домохозяйствах может возникать экономия от масштаба. Таким образом, потребление в крупных домохозяйствах в расчете на одного человека будет меньше, чем в небольших. Авторы отмечают особенности возрастных профилей совокупного потребления в некоторых странах. Так, на формирование профиля совокупного потребления (частного и государственного) могут оказывать значительное влияние государственные расходы. Например, в период конца 1990-х — начала 2000-х гг. расходы на образование в некоторых странах Восточной Азии настолько высоки, что пик потребления приходится именно на молодые возраста (Тайвань 1998 г., Южная Корея, 2000 г.).

По мнению авторов, образование следует рассматривать и как инвестиции в человеческий капитал, который в последующем должен привести к увеличению доходов и потребления. На формирование высокого потребления в старших возрастных группах могут оказывать влияние расходы на здравоохранение. Например, в Швеции в 2003 г. в возрасте 80 лет расходы на здравоохранение были более чем в 2 раза выше остального потребления. Высокое потребление услуг здравоохранения наблюдается также в Японии (2004 г.), Германии (2003 г.), Словении (2004 г.) и др. Иные расходы, например, обеспечение военной безопасности, не ориентированы на возрастные группы населения, поэтому, данные расходы распределяются равномерно между населением.

Интерес представляет рассмотрение разницы между показателями совокупных трудовых доходов и совокупного потребления, которую принято называть дефицитом жизненного цикла. Дефицит жизненного цикла равный нулю означает, что совокупные трудовые доходы равны совокупному потреблению. Дефицит жизненного цикла меньше нуля означает, что индивиды потребляют меньше, чем производят; больше нуля — индивиды потребляют больше, чем производят. Как правило, дефицит жизненного цикла в детских возрастах покрывается за счет трансфертов родителей и государства, а дефицит жизненного цикла в старших возрастах покрывается трансфертами от более молодых поколений, государства, собственных инвестиций в активы и сбережений (в том числе пенсионные сбережения). В случае, если совокупное потребление в стране растет с большей скоростью, чем совокупные трудовые доходы, то «излишек» данного потребления возлагается на государство, что может привести

к сбою в работе финансовых систем. Исследование дефицита жизненного цикла и его способах финансирования представлено в работе А.Г. Назаровой и А.В. Чернявского «Агрегированные трансфертные счета для Российской Федерации: основы построения и анализ» [8]. В работе приводится макроэкономический анализ показателей СНС с учетом особенностей системы национальных трансфертных счетов (NTA) в период с 2003–2017 гг. Авторы наблюдают изменение показателя баланса жизненного цикла: так до 2010 г. баланс был положительным, а затем — отрицательным.

Следует учитывать возраст наступления «бездефицитного» периода. Данная проблема исследуется в статье М.Б. Денисенко и В.А. Козлова [4] «Межпоколенческие счета и демографический дивиденд в России». Авторы отмечают, что по возрасту начала «бездефицитного» времени можно косвенно определить продолжительность периода получения образования и возможность к постоянному получению трудовых доходов. По возрасту окончания «бездефицитного» уровня жизни в развитых странах можно оценить возраст выхода на пенсию, а в странах, где не развита пенсионная система окончание «бездефицитного» времени определяется только возможностью работать. Таким образом, в развивающихся странах по данному показателю можно косвенно оценить показатель продолжительности здоровой жизни. Авторы отмечают, что у населения России в 2013 г. «бездефицитный» период жизни наблюдался с 23 до 56 лет. При этом, в отличие от развитых стран российский профиль «бездефицитного» уровня жизни сдвинут на более ранние возраста. Среди представленных авторами стран наибольший период «бездефицитного» уровня жизни наблюдается в США (2003 г.): с 25 до 60 лет.

Как было отмечено ранее, интерес представляет изучение потребления в старших возрастах в рамках получения второго демографического перехода. Акцент на потреблении в старших возрастах сделан в статьях М.Б. Денисенко и В.А. Козлова [4] «Межпоколенческие счета и демографический дивиденд в России» и Е.М. Щербаковой «Как живут пожилые люди мира» [10]. Авторы освещают проблему влияния старения населения на экономические показатели. При этом, к показателю заработной платы автор относит помимо заработной платы ещё и доходы в натуральной форме, а также стоимостную оценку неоплачиваемой работы в семье. Проводя сравнение профилей трудовых доходов и потребления (частного и государственного) между странами, автор отмечает существенные различия в старших возрастах. Автор вводит понятия эффективный производитель и эффективный потребитель, которые рассчитываются как произведение нормализованных показателей относительно 30–49 лет на численность населения в каждом возрастном интервале. Автор рассчитывает коэффициент экономической нагрузки (далее — КЭН) как «отношение эффективного числа потребителей в возрасте старше 65 лет к эффективному числу работников всех возрастов». К положительным сторонам данного коэффициента относится то, что он учитывает возрастные особенности формирования трудового дохода и потребления. Рост КЭН показывает, что количество эффективных потребителей в пожилых возрастах увеличивается относительно количества эффективных работников. Как следствие, будет наблюдаться дефицит в финансировании потребления в старших возрастах. Автор отмечает, что большинство стран с наибольшим КЭН наблюдается в Европе (в среднем 50

эффективных потребителей на 100 эффективных работников), при этом, максимальное число эффективных потребителей на 100 эффективных работников приходится в Японии — 78 человек.

Особенностью данной работы является изучение когортных особенностей в потреблении. Эта проблема рассмотрена в работе французских ученых д'Альбис, Боннет, Наво, Пеллетан и Вольф «Дефицит жизненного цикла во Франции: оценка за период 1979–2011 гг.» [11]. Обращаясь к возрастному профилю трудовых доходов следует отметить, что только в 1979 г. возрастной профиль трудовых доходов был схож с текущими профилями трудовых доходов в России. Так, в 1979 г. во Франции пик трудовых доходов приходился на 30–40 лет (рожденные во время и сразу после войны), а затем происходило их постепенное снижение. Однако, в дальнейшие годы наблюдалось изменение возрастного профиля трудовых доходов. В 1989 г. пик максимальных доходов приходился на 40–45 лет, в 2000 г. на 45–50 лет. В 2011 г. возраст максимального дохода не изменился по сравнению с 2000 г. Авторы отмечают стремительный рост трудовых доходов в возрастах от 20 до 35 лет, затем трудовой доход также продолжает расти до 45 лет, но с более медленным темпом. После 54 лет трудовой доход начинает резко снижаться. Французские ученые наблюдают увеличение среднего дохода в каждом возрасте для последовательных когорт. При этом наблюдается схожесть возрастных профилей для когорт 1920, 1930 и 1940 гг. в возрастах 60–65 лет, а для когорты 1950 г. данная кривая сместилась вправо. Данное смещение авторы объясняют более поздним уходом с рынка труда, как следствие — наблюдается рост среднего трудового дохода в предпенсионных возрастах.

На фоне стремительного роста трудовых доходов для когорт с 1930 по 1950 гг. наблюдается прекращение роста трудовых доходов для когорт 1950 и 1960 гг.: так для поколений 1950–1960 гг. до 40 лет профили трудовых доходов были идентичны. Рост трудовых доходов для последнего поколения возобновился только после 40 лет. Для более поздних поколений также наблюдается положительная динамика по увеличению трудовых доходов, однако, этот рост происходит с меньшими темпами, чем для когорт 1940–1950 гг.

Особый интерес представляет прогнозирование влияния возрастной структуры населения на ВВП при сохранении текущих возрастных особенностей профилей трудовых доходов и потребления. В связи с вышесказанным интерес представляет исследование влияния возрастного состава населения для России. Данная проблема была исследована в статье М.Б. Денисенко и В.А. Козлова «Межпоколенческие счета и демографический дивиденд в России» [4]. При прогнозировании наиболее важно проводить оценки совокупных трудовых доходов, совокупного потребления и дефицита уровня жизни. Большее потребление может покрываться за счет сбережений, государственных трансфертов или кредитов. При прогнозировании дефицита жизненного цикла авторы исследования учитывают только влияние возрастной структуры, а показатели производительности труда, структуры экономики и возрастные профили получения трудовых доходов и потребления оставались неизменными. Прогноз был построен по трем сценариям изменения численности населения России до 2050 г. В результате авторы приходят к выводу, что наименьший дефицит жизненного цикла в 2050 г. будет наблюдаться по низкому сценарию изменения чис-

ленности населения, то есть, с низкой рождаемостью и высокой смертностью, а наибольший дефицит уровня жизни будет наблюдаться при высоком сценарии изменения численности населения. Данный парадокс объясняется тем, что при низком сценарии прогноза коэффициент демографической нагрузки детьми и стариками будет наименьшим, то есть, будет преобладать население, производящее больше, чем потребляющее. При этом, совокупный ВВП по оценкам автора упадет на 25%. При высоком варианте прогноза из-за увеличения продолжительности жизни будет наблюдаться рост демографической нагрузки пожилыми, что в последствии приведет к увеличению дефицита жизненного цикла. Таким образом, в данных условиях одним из способов к сокращению дефицита жизненного цикла является изменение границ трудоспособного возраста. Также авторы строят прогнозы по коэффициентам демографической поддержки, экономической поддержки и эффективной поддержки.

Учитывая возрастные особенности формирования дефицита жизненного цикла в условиях увеличения демографической нагрузки пожилыми, могут возникнуть специфические риски для финансовых систем. Так, если поддержка потребления в пенсионных возрастах будет происходить не за счет собственных сбережений или трансфертов от детей, а за счет увеличения кредитов, то из-за отсутствия доходов это может привести к увеличению доли невозвратных кредитов. В иностранной литературе отмечается увеличение доли невозвратных кредитов за последние 10 лет среди домохозяйств¹. Так, в 2016 году наибольшая

¹ Non-performing loans in Europe. KPMG, электронный бюллетень URL: https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/co/pdf/KPMG_Co_BTMY_Financiero_NPLE.pdf

доля просроченных кредитов среди выданных кредитов домохозяйствам наблюдалась на Кипре (более 50%), в Греции (около 45%), Ирландии (около 20%), Болгарии (около 20%), Италии (около 15%) и Испании (около 10%). По данным OECD² общий долг домохозяйств в России один из самых низких и составляет в 2018 г. около 30% от располагаемого дохода, в то время как в Италии долг составляет 87%, в Австрии — 90%, Испании — 107%, Франции — 121%, Швеции — 189%, Норвегии — 239%, Дании — 281%.

К сожалению, приведенные данные не представлены по возрастным группам, однако, можно сделать предположение, что невозвратные кредиты характерны для поддержания или увеличения уровня потребления в старших возрастах, так как данные группы населения не имеют возможности покрыть долги с помощью трудовых доходов.

Обзор возрастных особенностей кредитования в США представлен в обзоре «The average dept by age» [14]. В данной статье отмечается, что наличие долга в предпенсионном возрасте может отложить выход на пенсию. При этом, товары потребления, на которые брался кредит, имеет возрастные отличия: так, в более молодых возрастах значительными расходами являются расходы на образование, в возрастной группе 35–49 лет основным долгом является погашение ипотеки, а в возрастах старше 50 лет — кредиты на иные цели. Отмечается, что закредитованность отличается и по поколениям [17]. Поколение беби-бумеров имеет меньшее количество долгов, чем их предшественники, однако, они имеют и меньшее количество сбережений, что,

по мнению экспертов, может привести данное поколение к более позднему выходу на пенсию.

По данным опроса агентства Northwestern Mutual «Планирование и прогресс 2018 года» [19] почти 80% американцев обеспокоены потреблением в пенсионных возрастах. Это объясняется тем, что более 20% американцев не имеют пенсионных накоплений, а треть поколения беби-бумеров, находящихся в предпенсионном возрасте, имеют крайне низкие сбережения. Таким образом, можно прийти к выводу, что снижение потребления в старших возрастах является следствием отсутствия сбережений и активов, приносящих доходы. При этом, в молодых возрастных группах домохозяйства более склонны брать кредиты на потребление, в то время как наличие кредита в пенсионном возрасте откладывает выход на пенсию на более поздний срок. Таким образом, поддержка потребления в старших возрастах возможна за счет трансфертов из более молодых поколений и от имеющихся активов, которые должны генерировать доход.

В статье французских ученых d'Albis, Hippolyte, and Ikpidi Badji [12] рассматривается влияние поколения на показатели доходов и потребления во Франции в период 1979–2011 гг. в возрастах 20–64 г. Рассматривая возрастные особенности уровня благосостояния, авторы отмечают, что потребление с возрастом увеличивается. Также в потреблении наблюдаются когортные эффекты: так, например, авторы отмечают существенное увеличение уровня жизни поколений, рожденных после Второй мировой войны, чем поколений, рожденных до войны. Последующие поколения также имели склонность к большему потреблению, но не в такой степени.

Результаты исследования и их обсуждение

Основополагающим для проведения данного исследования являются источники данных о расходах населения. Главным источником статистической информации о потреблении населения в России является Обследование бюджетов домашних хозяйств (далее — ОБДХ), проводимых Росстатом. Альтернативным источником статистической информации может являться Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (далее — РМЭЗ), проводимый НИУ ВШЭ.

Особенностью формирования баз данных является то, что вопросы о расходах и потреблении задаются на домохозяйство в целом, а не на его отдельного члена. Таким образом, для изучения особенностей возрастного потребления практический интерес представляют способы перераспределения расходов между членами домашних хозяйств.

В литературе отмечается, что при перераспределении расходов домохозяйства на каждого члена семьи может возникнуть эффект масштаба. В особенности данная проблема характерна для товаров совместного потребления, например, бытовой техники. В домохозяйстве, состоящем из одного человека, расходы на блага совместного потребления будут примерно такие же, как и в домохозяйстве, состоящем из двух и более лиц. Таким образом, возникает эффект масштаба, который заключается в больших расходах для домохозяйств, состоящих из одного человека, по сравнению с большими домохозяйствами.

В настоящее время отсутствует единая методика перераспределения расходов внутри домохозяйства. Наиболее простым способом перераспределения расходов между

² OECD National Accounts Statistics: National Accounts at a Glance URL: <https://data.oecd.org/hha/household-debt.htm>

членами домохозяйства является перераспределение в соответствии с количеством членов в семье. То есть, равномерно на каждого члена семьи. При этом, важно отметить, что некоторые компоненты расходов свойственны определенным возрастам: так, например, расходы на образование в большей степени будут приходиться на детей, в то время как расходы на здравоохранение более свойственны для лиц пожилого возраста. Таким образом, следует рассматривать расходы домохозяйства без учета расходов на образование и здравоохранение. При этом, при равномерном распределении расходов между членами домохозяйства можно говорить, что потребление у детей будет завышено. В связи с этим практический интерес представляет оценка расходов на детей.

К наиболее известным методам перераспределения расходов на каждого члена семьи относятся метод Энгеля, Ротбарта [15]. В методе Энгеля перераспределение расходов на детей пропорционально расходам на питание. Однако, многие исследователи отмечают, что данная оценка может быть завышена в домохозяйствах с большим количеством детей, где среднедушевые доходы будут ниже. Соответственно доля расходов на питание в домохозяйствах с детьми будет выше.

В методе Ротбарта моделирование потребления членов домохозяйства происходит за счет оценки расходов на товары, которые характерны для взрослого населения: табачные изделия, алкогольные напитки, одежда. Предполагается, что дети снижают расходы, которые родители могут тратить на себя. В литературе отмечается, что данный метод может существенно занижать расходы домохозяйства, так как алкоголь и табак могут быть не чувствительны к изменениям из-за привыкания. Кроме того, данные товары могут и вовсе

отсутствовать в расходах домохозяйства.

Рональд Ли предлагает альтернативную оценку [20] перераспределения расходов домохозяйства на каждого члена семьи на основе рекомендаций Дитона [13]. Он предлагает рассчитывать потребление для возрастов от 0 до 4 лет как 0,4 от потребления взрослого человека, от 5 до 14 лет – 0,5 от потребления взрослого человека, а с 15 лет потребление не изменяется. Рональд Ли предлагает аналогичный подход: от 0 до 4 потребление составляет 0,4 от потребления взрослого человека, в возрастах старше 20 лет потребление постоянно и составляет 1, а в возрастах от 5 до 20 лет потребление возрастает линейно.

В расчетах, приведенных в статье, возрастные расходы распределены в соответствии с методом Рональда Ли.

Для изучения особенностей возрастной структуры потребления будут рассмотрены базы данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья НИУ ВШЭ за период с 2010 до 2018 гг.³ Для оценки расходов было отобрано 106 переменных, которые были разделены на 5 групп: расходы на продукты питания (61 переменная, включая расходы на питание вне дома), расходы на товары длительного потребления (15 переменных, включая расходы на одежду, бытовую технику, товары для дома), расходы на услуги (16 переменных, включая культурно-развлекательные услуги, расходы на транспорт, топливо, связь), коммунальные услуги (2 переменных), расходы на здравоохранение (12 переменных). При этом расходы на здравоохранение представлены в опроснике по индивидуальным расходам, а не по домохозяйствам. Пред-

варительно статистические данные были проверены на наличие аномальных наблюдений.

После исключения аномальных наблюдений был произведен расчет возрастных профилей расходов по пятилетним возрастным интервалам до 80 лет. Возрастные профили были сглажены методом Фридмана. С целью преодоления изменения цен по годам представленные расчеты приведены в значениях относительно наиболее трудоспособных возрастов (30–49 лет).

По базам данных РМЭЗ за 2010–2018 гг. по домохозяйствам были рассчитаны следующие категории расходов населения: продукты питания, товары длительного пользования, расходы на услуги, коммунальные платежи. Кроме того, на основе данных расходов в индивидуальных опросниках была произведена оценка возрастных расходов на услуги здравоохранения. Важно отметить, что в опроснике 2018 года по индивидам были исключены вопросы по расходам на здравоохранение. Поэтому, данные за 2018 год были индексированы в соответствии с уровнем инфляции. Для более удобного сопоставления расчеты были произведены по пятилетним возрастным интервалам. Ввиду снижения количества респондентов в возрастах старше 80 лет в работе представлены расчеты для возрастных групп от 0 до 79 лет. С целью устранения изменения уровня цен возрастные профили были представлены в виде нормализованных значений относительно возрастов 30–49 лет (как наиболее трудоспособный возраст).

Приведенные расчеты показывают, что в настоящее время наблюдается два основных пика потребления населения: 30–39 лет и 50–59 лет (рисунок 1). При этом, при рассмотрении возрастных профилей расходов населения в динамике

³ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ URL: <http://www.hse.ru/rms>

отмечается сдвиг возрастных интервалов потребления к более поздним возрастным группам: в 2010 году пик потребления приходился на возрастные группы 25–39 лет, в то время как в 2014 году максимальное потребление сдвинулось к возрастным группам 30–39 лет. Вторая волна потребления также сдвигается к более поздним возрастам: если в 2010 году вторая волна потребления приходилась на возрастную группу 50–54 года, то в 2014 г. это была возрастная группа 55–59 лет, а в 2018 г. — 55–64 года. При этом, в возрастных группах 0–19 лет не наблюдается существенных изменений в потреблении.

Учитывая ежегодное увеличение изменения профилей частного потребления в старших возрастах, практический интерес представляет изучение за счет каких компонент расходов было увеличено частное потребление. Была рассмотрена структура потребления по десятилетним возрастным группам в период с 20 до 79 лет. Можно прийти к выводу, что не наблюдается существенных изменений по потреблению продуктов питания. Действительно, данная категория потребления является базовой в структуре потребления и необходима для выживания.

Наблюдается незначительное снижение потребления по категории товаров длительного пользования. При этом снижение расходов на товары длительного пользования более характерны для возрастов 20–49 лет. Противоположная ситуация наблюдается по потреблению услуг: в возрастных группах 20–49 не наблюдается существенных изменений в уровне потребления услуг, в то время как в возрастных группах 50–79 лет наблюдается незначительное увеличение потребления услуг. Данная особенность характерна и по потреблению коммунальных услуг. Следует отметить рост

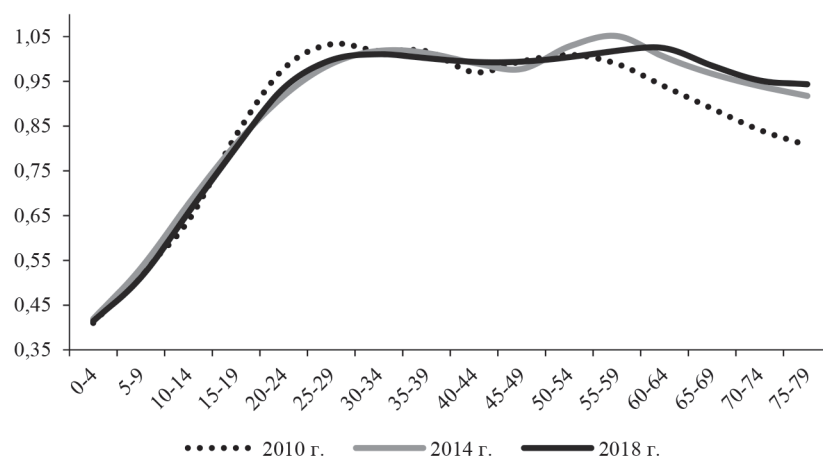

Рис. 1. Нормализованные расходы населения по возрастным группам (30–49 лет = 1)

Fig. 1. Normalized expenses of the population by age groups (30–49 years old = 1)

Таблица 1

Нормализованные расходы по группам потребления (30–49 лет = 1)

Table 1

Normalized expenses by consumption groups (30–49 years old = 1)

возраст	год	питание	товары длительного пользования	услуги	коммунальные услуги	здорово-охранение	сумма
20–29	2010	0,42	0,17	0,17	0,22	0,03	1,00
	2018	0,42	0,14	0,17	0,22	0,03	0,97
30–39	2010	0,41	0,20	0,17	0,20	0,03	1,02
	2018	0,42	0,16	0,17	0,20	0,04	1,00
40–49	2010	0,41	0,17	0,17	0,19	0,04	0,98
	2018	0,42	0,14	0,18	0,20	0,05	0,99
50–59	2010	0,44	0,13	0,16	0,22	0,05	1,00
	2018	0,43	0,12	0,18	0,22	0,06	1,01
60–69	2010	0,42	0,10	0,12	0,22	0,06	0,93
	2018	0,42	0,09	0,15	0,24	0,09	0,99
70–79	2010	0,38	0,06	0,09	0,21	0,08	0,83
	2018	0,41	0,07	0,11	0,25	0,12	0,94

потребления медицинских услуг в 2018 г. по сравнению с 2010г.

Практический интерес представляет рассмотрение структуры расходов населения по основным возрастным группам (рис. 2). При этом, необходимо выявить, за счет каких компонент наблюдается рост потребления, в особенности в старших группах. Преобладание доли расходов на продукты питания может являться одним из индикаторов низкого уровня жизни населения. Соответственно, уменьшение доли расходов на продукты питания можно рассматривать

как улучшение уровня жизни и наоборот.

В полученных расчетах доля расходов на питание в 2018 г. в зависимости от возрастной группы составила от 38,6% до 43,7%. Наименьшая доля расходов на продукты питания наблюдается в возрастах от 0 до 9 лет (менее 40%). В остальных возрастных группах доля расходов на питание не имеет существенных колебаний и составляет около 42%. По данным Федеральной службы государственной статистики доля расходов на продукты питания в среднем по России составляет 30,7% (2018 г.), что

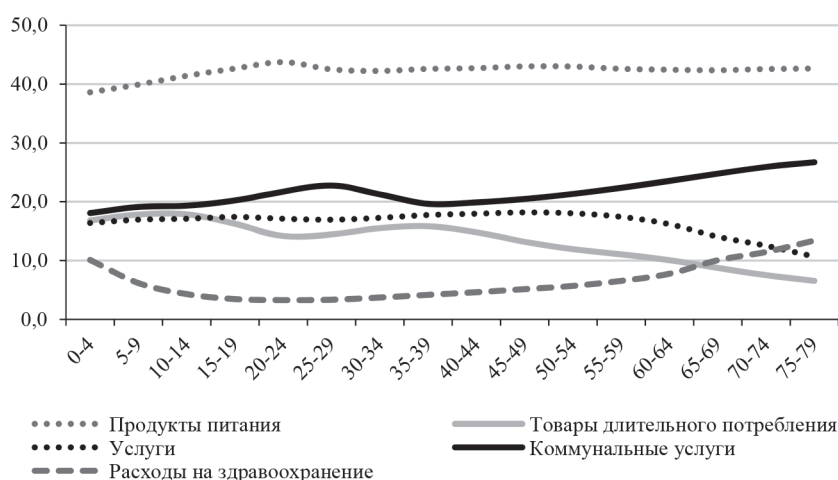

Рис. 2. Доля расходов населения по возрастным группам, %, 2018 г.

Fig. 2. Share of household expenditures by age groups, %, 2018

близко к полученным значениям. Рассматривая долю расходов на продукты питания в динамике следует отметить снижение доли расходов на продукты питания в 2018 году по сравнению с 2010 годом в возрастах старше 50 лет. При этом наибольшее снижение доли расходов на питание населения отмечается в возрастах 60 и более лет (снижение более 3 п.п.).

Снижение доли расходов населения по всем возрастным группам отмечается и по категории товары длительного пользования. Это может объясняться накоплением товаров длительного пользования, ввиду чего нет необходимости покупать ежегодно одинаковый набор товаров. Наибольшая доля расходов на товары длительного пользования приходится на возрастные группы от 0 до 19 лет — около 17%. После 20 лет наблюдается постепенное снижение доли расходов на товары длительного пользования до 6,6% в возрастной группе 75–79 лет.

По категории услуги наибольшая доля расходов приходится на возрастные группы 35–54 года и составляет в среднем 18%. В возрастных группах старше 55 лет доля расходов на услуги постепенно снижается до 10,7% в возрастной группе 75–79 лет. Рассматривая пока-

затель в динамике, можно отметить рост доли расходов по всем возрастным группам. Это объясняется развитием сектора услуг, появлением новых услуг и ростом их потребления.

Расходы по категории коммунальные услуги в возрастных группах 0–49 лет не имеют существенных отличий и составляют в среднем 20,2%. В возрастных группах старше 50 лет наблюдается постепенный рост доли расходов на коммунальные услуги. Наибольшая доля расходов населения на коммунальные услуги приходится на возрастную группу 75–79 лет и составляет 26,7% совокупных расходов населения. Это может объясняться низкой мобильностью, увеличением времени, проведенным дома, а также большим количеством потребленной электроэнергии. По сравнению с 2010 г. наблюдается незначительное увеличение доли расходов на коммунальные услуги по всем возрастным группам. Это может объясняться увеличением количества электрических приборов в домохозяйствах.

Интерес представляют расходы на услуги здравоохранения. Высокие доли расходов на услуги здравоохранения наблюдаются в возрастной группе от 0 до 4 лет и в возрастных группах старше 60 лет. В возрастной группе от 0 до 4

лет доля расходов составила в 2018 г. 10,1%, затем в возрастных группах 5–29 лет отмечается снижение доли расходов до 3,3%. В возрастных группах 30–79 лет отмечается увеличение доли расходов на услуги здравоохранения до 13,4%. В динамике наибольший рост расходов приходится на возрастные группы старше 65 лет — более 2 п.п.

Интерес представляет рассмотрение профилей частного потребления в динамике в зависимости местности проживания. Базы данных РМЭЗ представляют возможность рассмотреть показатели местности проживания по четырем группам: областной центр, город, поселок городского типа и село. Также в выборке проводится информация о численности населения в соответствующем населенном пункте. Для получения более крупных групп по местности проживания были объединены респонденты, проживающие в областном центре и городах (новая группа — городская местность), а также проживающие в поселках городского типа и селах (новая группа — сельская местность). Таким образом, в дальнейшем приводятся результаты анализа по двум группам: по населению, проживающему в городской местности и в сельской.

На рис. 3 приведены возрастные профили частного потребления в 2010 и 2018 гг. в городской и сельской местности. Наблюдается незначительное увеличение потребления как в городской, так и в сельской местности. Однако, разница между потреблением в городской и сельской местности значительна: так, если в возрастной группе 30–34 г. в городской местности в 2018 г. потребляют 1,18 от среднего потребления в возрастной группе 30–49 лет (по всему населению), в то время как в сельской местности потребляют всего 0,79 от среднего по-

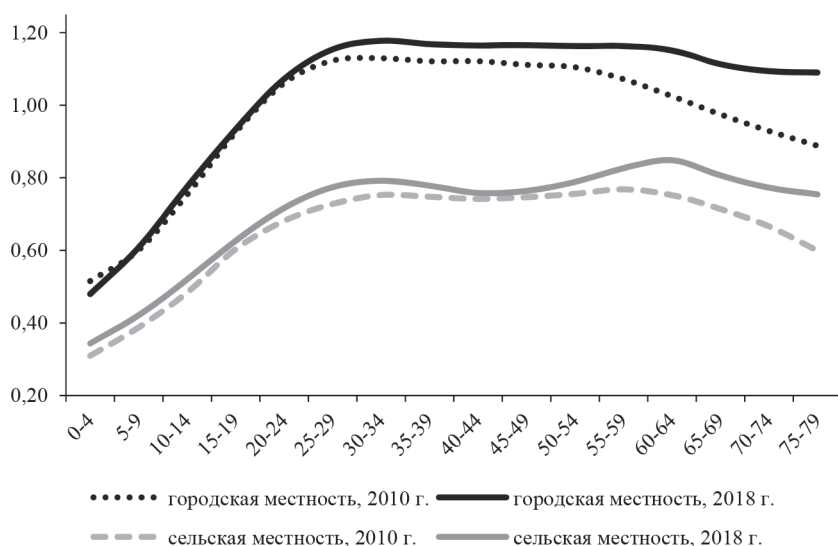

Рис. 3. Нормализованное совокупное потребление в городской и сельской местности в 2010 и 2018 гг. (30–49 лет=1)

Источник: расчеты автора по данным РМЭЗ

Fig. 3. Normalized aggregate consumption in urban and rural areas in 2010 and 2018 (30–49 years old = 1)

Source: author's calculations based on the Russian Monitoring of Economic Situation and Health data

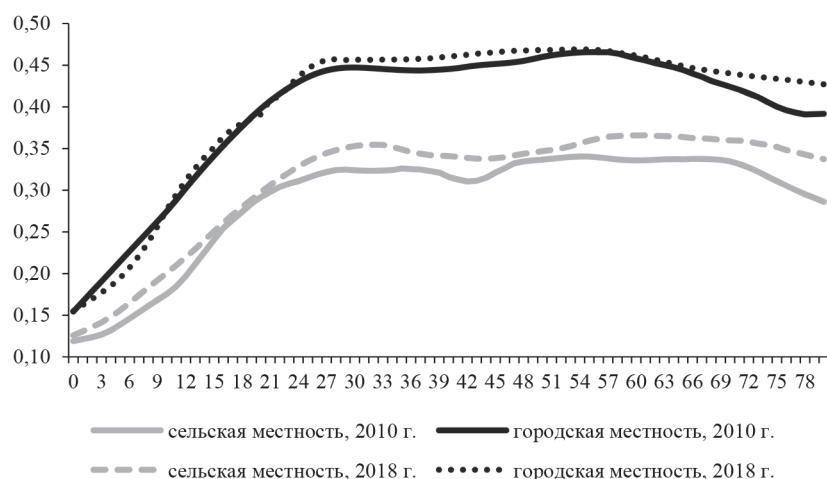

Рис. 4. Нормализованные расходы на потребление продуктов питания по местности проживания, Россия, 2010 г. и 2018 г. (30–49 лет в целом по России = 1)

Источник: расчеты автора по данным РМЭЗ

Fig. 4. Normalized expenditures on food consumption by area of residence, Russia, 2010 and 2018 (30–49 years old in Russia as a whole = 1)

Source: author's calculations based on the Russian Monitoring of Economic Situation and Health data

ребления в возрастной группе 30–49 лет.

Отдельно следует рассмотреть потребление продуктов питания (рис. 4). Следует отметить, что в отличие от потребления товаров длительного пользования и различных услуг — потребление продуктов питания является необходимой

потребностью для выживания. Возрастные профили потребления продуктов питания в 2010 г. и 2018 г. практически совпадают, однако, наблюдаются различия в потреблении по местности проживания. Можно сделать предположение, что дифференциация между потреблением продук-

тов питания обуславливается наличием личного подсобного хозяйства, которое преобладает в сельской местности.

Был рассмотрен уровень потребления и в зависимости от уровня образования у членов домохозяйства (рис. 5). Так, индивиды с высшим образованием имеют более высокий уровень потребления, чем индивиды со средним образованием и ниже. Рассматривая уровень потребления в динамике, наблюдается снижение значимости высшего образования в 2018 г. по сравнению с 2010 г. в возрастных интервалах с 25 до 55 лет, однако в дальнейших возрастах уровень образования оказывает положительное влияние на потребление. Интересно отметить, что до возраста 55 лет не наблюдается существенного разрыва в уровне потребления у лиц со средним образованием.

На основе баз данных проекта Национальные трансфертные счета были определены наиболее схожие возрастные профили потребления для России (рис. 6.). Наиболее похожими на Россию (2018 г.) возрастными профилями потребления могут являться возрастные профили Молдавии (2014 г.) и Италии (2008 г.). Существенный рост потребления в старших возрастах наблюдается в США (2011 г.), Японии (2004 г.), Франции (2011 г.) и Германии (2003 г.) (рисунок 2.3.1). Рост потребления в старших возрастах может свидетельствовать о получении второго демографического дивиденда, то есть, когда в результате старения населения отмечается экономический рост.

Кроме приведенных на рисунке стран среди стран-участников проекта можно отметить схожие профили возрастного потребления России с такими странами как: Коста-Рика (2013 г.), Индонезия (2005 г.), Китай (2002 г.), Сенегал (2011 г.).

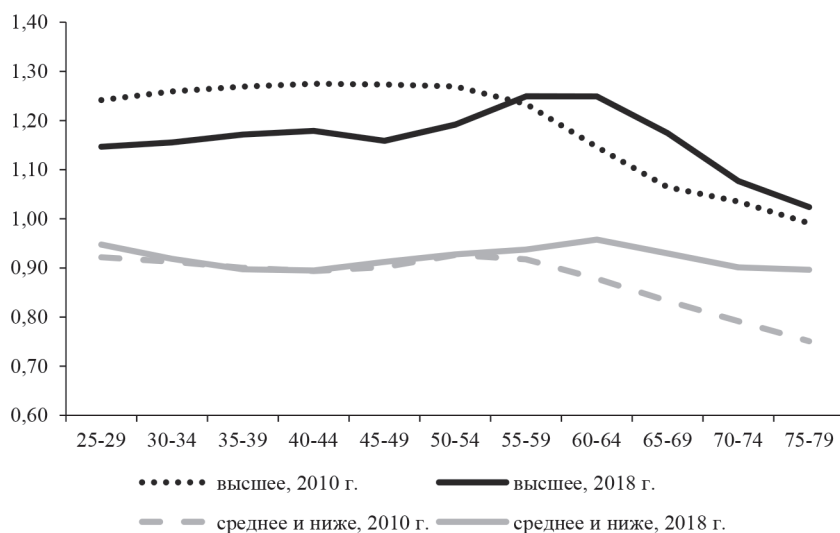

Рис. 5. Нормализованное потребление в зависимости от уровня образования (30–49 лет для всего населения =1)

Fig. 5. Normalized consumption depending on the level of education (30–49 years old for the whole population = 1)

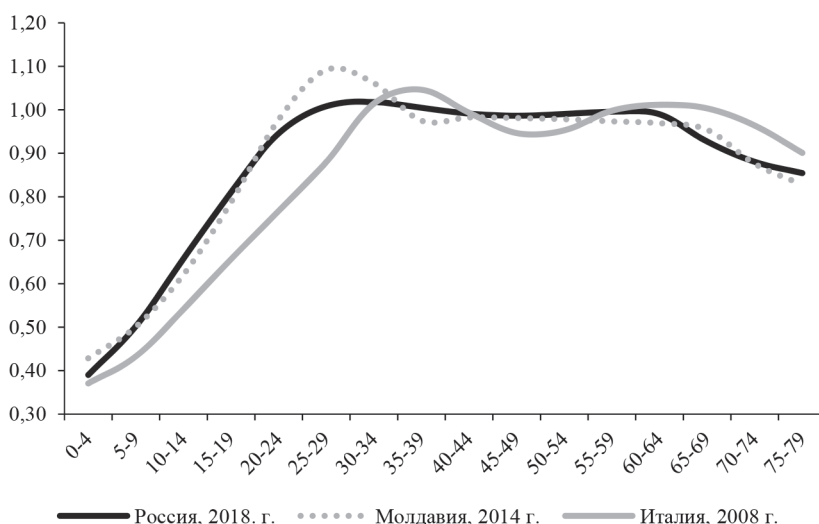

Рис. 6. Нормализованные расходы населения (без учета расходов на образование и здравоохранение) по странам (30–49 лет =1)

Источник: данные проекта – Национальные трансфертные счета. Россия – расчеты автора.

Fig. 6. Normalized household expenses (excluding education and health spending) by countries (30–49 years old = 1)

Source: Project data – National Transfer Accounts. Russia – the author's calculations.

Закключение

Изучение возрастных особенностей потребления в динамике в настоящее время в России является актуальной и малоизученной проблемой. Как отмечается в работе, Россия характеризуется низким потреблением в возрастах старше 50 лет по сравнению с развитыми странами. Данный факт ставит под угрозу получе-

ние второго демографического дивиденда. В литературе отмечается, что финансирование потребления в старших возрастах должно происходить за счет потребления накопленных ранее активов. Однако, некоторые исследования показывают, что, например, в США, потребление финансируется в большей степени за счет кредитов. При этом наблюдаются поколенческие различия:

более молодые поколения склонны больше брать кредитов для финансирования потребления. При этом высокая закредитованность населения не позволяет вовремя выйти на пенсию. Рост потребления с помощью кредитования увеличивает долю невозвратных кредитов, что может привести к дисбалансу на финансовых рынках.

Практический интерес представляет изучение возрастной структуры расходов населения. Для проведения данного исследования применяются данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ). При этом вопросы о расходах населения учитываются на домохозяйство, а не на индивида. Это обуславливает разработку методик, позволяющих перераспределить расходы домохозяйства между отдельными членами домохозяйства. В исследовании использован метод Рональда Ли и Эндрю Мейсона. Известно, что при расчете прожиточного минимума используют 3 возрастные группы: население младше трудоспособного возраста, население трудоспособного возраста, население старше трудоспособного возраста. При этом возрастные границы могут быть изменены. Увеличение продолжительности получения образования приводит к более позднему выходу на рынок труда у молодых поколений. В статье предлагается устанавливать возрастные границы исходя из бездефицитного периода жизни. Можно отметить процесс старения населения. В случае сокращения расходов населения в старших возрастах по сравнению с трудоспособным возрастом, можно ожидать снижение совокупного потребления.

На основе изучения структуры расходов населения Российской Федерации можно сделать следующие выводы: в настоящее время наблюдается

2 основных пика потребления населения 30–39 лет и 50–59 лет. При этом, при рассмотрении возрастных профилей расходов населения в динамике отмечается сдвиг возрастных интервалов потребления к более поздним возрастным группам, а в возрастных группах от 0 до 19 лет не наблюдается существенных изменений в потреблении.

Сделаны выводы об изменении расходов на продукты питания, товары длительного пользования, услуги, коммунальные услуги, услуги здравоохранения. Доля расходов на

продукты питания составляет от 38,6% до 43,7%. Наименьшая доля расходов на продукты питания наблюдается в возрастах от 0 до 9 лет (менее 40%). В остальных возрастных группах доля расходов на продукты питания не имеет существенных колебаний и составляет около 42%. Наибольшая доля расходов на товары длительного пользования приходится на возрастные группы от 0 до 19 лет (около 17%). После 20 лет наблюдается постепенное снижение доли расходов на товары длительного пользования (до 6,6% в возрастной группе

75–59 лет). По категории услуги наибольшая доля расходов приходится на возрастные группы 50–54 (составляет 18%). В возрастных группах старше 55 лет доля расходов на услуги снижается (до 10,7% в возрастной группе 75–59 лет). Расходы по категории коммунальные услуги в возрастных группах от 0 до 49 лет не изменяются, а затем наблюдается постепенный рост доли расходов. Отмечается высокая доля расходов на услуги здравоохранения в возрастных группах от 0 до 4 лет и в возрастных группах старше 60 лет.

Литература

1. Агабекова Н.В. Анализ взаимодействия экономического и демографического развития общества на основе статистической оценки возрастной структуры населения // Вестник кафедры статистики Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова Материалы и доклады. Под общей редакцией Н.А. Садовой. 2017. С. 11–14.
2. Вишневский А.Г., Щербакова Е.М. Демографические тормоза экономики // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 48–10.
3. Денисенко М.Б., Варшавская Е.Я. Экономически неактивное население России: численность, динамика, характеристики // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 42–51.
4. Денисенко М.Б., Козлов В.А. Межпоколенческие счета и демографический дивиденд в России // Демографическое обозрение, электронный научный журнал. 2018. Т. 5. № 4. С. 6–35.
5. Калабихина И.Е., Шайкенова Ж.К. Демографическое обозрение // Оценка трансфертов времени внутри домохозяйств. 2018. Т. 5. № 4. С. 36–64.
6. Митрофанова Е.С. (Не)время взрослеть: как меняется возраст наступления дебютных биографических событий у россиян // Демографическое обозрение. 2020. № 4. С. 36–61.
7. Митрофанова Е.С. Модели взросления разных поколений россиян // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6. № 4. С. 53–82.
8. Назарова А.Г., Чернявский А.В. Агрегированные трансфертные счета для Российской Федерации: основы построения и анализа // Вопросы статистики. 2019. Т. 26. № 4. С. 32–44.
9. Рамонов А.В. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни как интегральная оценка здоровья россиян // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 15. № 4. С. 497–518.

10. Щербакова Е.М. Как живут пожилые люди мира [Электрон. ресурс] // Демоскоп-Weekly. 2019. № 839–840. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2019/0839/barom01.php>
11. Albis (d') H., Donnet C. Lifecycle deficit in France: an assessment for the period 1979–2011// Economics and Statistics. 2017. № 491–492. С. 47–70.
12. Albis (d') H., Badji I. Les inégalités de niveaux de vie entre les générations en France. Economie et Statistique // Economics and Statistics. 2017. № 491–492. С. 77–99.
13. Deaton A. The Analysis of Household Surveys: A Microeconomic Approach to Development Policy. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997.
14. Josepson A. The Average Debt by age. Smartasset [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://smartasset.com/credit-cards/the-average-debt-by-age>.
15. Lee R., Lee S., Mayson A. Charting the Economic Life Cycle. NBER Working Paper № 12379.
16. Lee R., Mason A. eds. Population Aging and the Generational Economy: A Global Perspective. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing Limited, 2011.
17. Leonhardt M. Here's how much debt Americans have at every age [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://www.cnbc.com/2018/08/20/how-much-debt-americans-have-at-every-age.html>.
18. Mason A., M. Lee, M. Abrigo, S. Lee. Support Ratios and Demographic Dividends: Estimates for the World. New York (NY): Population Division, United Nations, 2017.
19. Planning & Progress Study 2018. Northwestern Mutual. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://news.northwesternmutual.com/planning-and-progress-2018>.
20. United Nations. National transfer accounts manual: Measuring and analysing the generational economy. New-York: United Nations, 2013.

References

1. Agabekova N.V. Analysis of the interaction of economic and demographic development of society on the basis of a statistical assessment of the age structure of the population. Vestnik kafedry statistiki Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova Materialy i doklady. Pod obshchey redaktsiyey N.A. Sadovnikovoy = Bulletin of the Department of Statistics of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov Materials and reports. Under the general editorship of N.A. Sadovnikova. 2017; 11-14. (In Russ.)
2. Vishnevskiy A.G., Shcherbakova Ye.M. Demographic brakes of the economy. Voprosy ekonomiki = Problems of Economics. 2018; 6: 48-10. (In Russ.)
3. Denisenko M.B., Varshavskaya Ye.Ya. Economically inactive population of Russia: number, dynamics, characteristics. Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological research. 2015; 5: 42-51. (In Russ.)
4. Denisenko M.B., Kozlov V.A. Intergenerational accounts and the demographic dividend in Russia. Demograficheskoye obozreniye, elektronnyy nauchnyy zhurnal = Demographic Review, electronic scientific journal. 2018; 5; 4: 6-35. (In Russ.)
5. Kalabikhina I.Ye., Shaykenova ZH.K. Demographic Outlook. Otsenka transfertov vremeni vnutri domokhozyaystv = Assessment of intra-household time transfers. 2018; 5; 4: 36-64. (In Russ.)
6. Mitrofanova Ye.S. (Not) time to grow up: how the age of the onset of debut biographical events among Russians changes. Demograficheskoye obozreniye = Demographic Review. 2020; 4: 36-61. (In Russ.)
7. Mitrofanova Ye.S. Models of growing up of different generations of Russians. Demograficheskoye obozreniye = Demographic Review. 2019; 6; 4: 53-82. (In Russ.)
8. Nazarova A.G., Chernyavskiy A.V. Aggregated transfer accounts for the Russian Federation: the basics of construction and analysis. Voprosy statistiki = Questions of statistics. 2019; 26; 4: 32-44. (In Russ.)
9. Ramonov A.V. Healthy life expectancy as an integral assessment of the health of Russians. Ekonomicheskoy zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Economic Journal of the Higher School of Economics. 2011; 15; 4: 497-518. (In Russ.)
10. Shcherbakova Ye.M. How do older people of the world live [Internet]. Demoskop-Weekly = Demoscope-Weekly. 2019: 839-840. Available from: <http://demoscope.ru/weekly/2019/0839/barom01.php>. (In Russ.)
11. Albis (d ') H., Donnet C. Lifecycle deficit in France: an assessment for the period 1979–2011. Economics and Statistics. 2017; 491-492: 47-70.
12. Albis (d ') H., Badji I. Les inégalités de niveaux de vie entre les générations en France. Economie et Statistique. Economics and Statistics. 2017; 491-492: 77-99.
13. Deaton A. The Analysis of Household Surveys: A Microeconomic Approach to Development Policy. Baltimore: Johns Hopkins University Press; 1997.
14. Josepson A. The Average Debt by age. Smartasset [Internet]. Available from: <https://smartasset.com/credit-cards/the-average-debt-by-age>.
15. Lee R., Lee S., Mayson A. Charting the Economic Life Cycle. NBER Working Paper № 12379.
16. Lee R., Mason A. eds. Population Aging and the Generational Economy: A Global Perspective. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing Limited; 2011.
17. Leonhardt M. Here's how much debt Americans have at every age [Internet]. Available from: <https://www.cnbc.com/2018/08/20/how-much-debt-americans-have-at-every-age.html>.
18. Mason A., M. Lee, M. Abrigo, S. Lee. Support Ratios and Demographic Dividends: Estimates for the World. New York (NY): Population Division, United Nations; 2017.
19. Planning & Progress Study 2018. Northwestern Mutual. [Internet]. Available from: <https://news.northwesternmutual.com/planning-and-progress-2018>.
20. United Nations. National transfer accounts manual: Measuring and analysing the generational economy. New-York: United Nations; 2013

Сведения об авторе

Кирилл Владимирович Кузнецов
 Федеральная служба государственной
 статистики, Москва, Россия
 Эл. почта: kvkuz_97@mail.ru

Information about the author

Kirill V. Kuznetsov
 Federal Service State Statistics,
 Moscow, Russia
 E-mail: kvkuz_97@mail.ru